

HELENA POŚIECHINA
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ЯЗЫК СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ XIX ВЕКА: ПОПЫТКА ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯВЛЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье впервые предпринимается попытка характеристики языка авторской старообрядческой публицистики с точки зрения теории языковых контактов. В качестве объекта анализа были избраны тексты Константина Голубева (Голубова) (1842–1889), издателя и редактора выходившего в Иоганнисбурге (б. Пруссия, ныне г. Пиш в Польше) в 1863–66 гг. старообрядческого журнала «Истина» и автора преобладающего большинства опубликованных в нем текстов. О взаимодействии церковнославянского и русского языков в истории русского литературного стандарта написано огромное количество работ, однако старообрядческая литература по ряду причин внешнего характера в течение продолжительного времени находилась вне поля зрения исследователей и стала изучаться всего несколько десятилетий тому назад. Решение представленной в статье исследовательской проблемы представляет особую сложность, хотя бы из-за слабой изученности языка старообрядческих изданий нового и новейшего времени¹, что можно вслед за А. Мартине объяснить обстоятельствами, принуждающими ученых рассматривать «любое сообщество» как «лингвистически закрытое и однородное»². Кроме того, к тому языку, которым написаны

¹ Е. Потехина, *Проблемы исследования памятников старообрядческой письменности* // Е. Потехина (ред.), *Язык и текст в системном и социокультурном аспекте*, Centrum Badań Europy Wschodniej, Olsztyn 2011, с. 9–44.

² А. Мартине, *Предисловие* // У. Вайнрайх, *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования*, пер. Ю. А. Жлуктенко, Вища школа, Киев 1979, с. 18.

ЯЗЫК СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ...

оригинальные произведения старообрядцев, довольно трудно применить разработанные в традиционном языкознании функционально-стилистические критерии из-за «мозаичного»³ характера их содержания и стиля, определяемых сочетанием разновременных историко-культурных и различных языковых пластов.

ГИБРИДНЫЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКА СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

На первый взгляд, кажется очевидным тот факт, что в основе письменного языка текстов, написанных от руки или опубликованных в подпольных типографиях, расположенных прежде всего в городах, лежит разговорный русский язык (городское просторечие), известное историкам языка по фольклорным произведениям (сказкам, былинам, пословицам и под.), а также по массовой лубочной литературе: «Лубочная письменность является прямым наследником письменной культуры русского допетровского города»⁴. Вместе с тем значительное место в этих текстах занимают церковнославянские элементы, хотя бы потому, что обучение грамоте с детских лет велось по церковнославянским азбукам и на церковнославянских текстах Псалтыри и Часовника, а «под старообрядческой книжной культурой мы обычно понимаем книжную ученость, начитанность в священных текстах»⁵. Фрагменты текста на церковнославянском языке встречаются в публицистике виде цитат и реминисценций, относящихся Священному Писанию, к сочинениям Отцов Церкви, к известным ранним полемическим произведениям; в виде синтаксических оборотов, фразеологизмов и лексических вкрапле-

³ Е.Е. Дутчак, *Старообрядческая книга: болевые точки научного описания поздней кириллической рукописи* // И.В. Поздеева, В.П. Пушков (ред.), *Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в., Мир старообрядчества*, вып. 8, Москва, с. 681.

⁴ А.А. Плетнева, *Лубочная библия: язык и текст*, Языки славянской культуры, Москва 2013, с. 16.

⁵ В.В. Керов, «Щёт наличных денех»: *бухгалтерская книжность старообрядцев XVIII — первой половины XIX века* // И. В. Поздеева, В. П. Пушков (ред.), *Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья...*, с. 449.

ний. Третьим характерообразующим элементом языка поздней старообрядческой публицистики является активно формирующийся в XIX веке литературный стандарт, экспансия которого наблюдается даже в редакции церковнославянских текстов богослужебных книг⁶, но в гораздо большей степени заметна в языке полемических или нравоучительных сочинений, авторы которых вполне сознательно читают научную литературу и следят за общественно-политической полемикой в газетах⁷. Анализируя произведения, написанные на гибридном языке, исследователь неизбежно наталкивается на трудности, обусловленные невозможностью применения обычных категорий, связанных с кодификацией, стилистической оценкой, с культурной и временной стратификацией. В любом случае, перед тем как проводить те или иные обобщения, необходимо разобраться в формах и объеме языковой интерференции, определяемой как структурными (внутриязыковыми), так и неструктурными (экстралингвистическими) факторами⁸.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КОНСТАНТИНА ГОЛУБЕВА

Согласно Уриэлю Вайнрайху, «два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо»⁹. В качестве такого лица в данной работе представлен Константин Ефимович Голубев (Голубов, Чайков)¹⁰, воспитанник, ближайший сподвижник и последователь зна-

⁶ См.: А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева, *История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.)*, Языки русской культуры, Москва 2001; Е. Потехина, *Канонники из собрания Войновского монастыря: попытка сравнительного анализа* // Е. Потехина, А. Кравецкий (ред.), *Православная культура: история и современность*, Fontes Slavica Orthodoxa III, Olsztyn 2015, с. 171–190.

⁷ Е. Потехина, *История старообрядчества в полемическом трактате «Вечная правда»* // Е. Потехина, А. Кравецкий (ред.), *Православная культура вчера и сегодня*, Fontes Slavica Orthodoxa II, Olsztyn 2014, с. 243–268.

⁸ У. Вайнрайх, *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования*, пер. Ю.А. Жлуктенко, Вища школа, Киев 1979, с. 24–26.

⁹ У. Вайнрайх, *Языковые контакты...*, с. 22.

¹⁰ Биографические сведения о Голубеве приводятся по монографии: Е. Iwaniec, *Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia. Karty z dziejów duchowości rosyjskiej w drugiej połowie XIX wieku*, Orthdruk, Białystok 2001.

менитого федосеевского полемиста, основателя и первого игумена Войновского Спасо-Троицкого монастыря архимандрита Павла, прозванного Прусским. Главным делом жизни К. Голубева является публицистическое издание «Истина», которое он первоначально (в 1863–66 гг.) издавал в виде газеты на восьми полосах в две колонки (т.н. «малая» «Истина»¹¹), затем — в виде толстого журнала: в 1867–68 гг. в Иоганнисбурге, в Пруссии, а с 1868 г. в России, в Пскове, куда переехал на жительство¹². В данной статье будут рассматриваться только иоганнисбургские издания Голубева. Тексты третьего номера газеты и трех сохранившихся номеров журнала (№ 1, 3, 4) доступны в Интернете в Варминско-Мазурской цифровой библиотеке <http://wmbc.olsztyn.pl/dlibra/collectiondescription?dirids=62>. Книги из собрания бывшего старообрядческого Спасо-Троицкого монастыря были оцифрованы и описаны в ходе реализации проекта № 2011/01/B/H52/03201 „Slavica a bizantyjskie dziedzictwo. Multimedialny katalog zabytków piśmiennictwa staroobrzędowców zamieszkałych w Polsce jako narzędzie odtwarzania fenomenów ginących kultur”, финансируемого из средств Национального центра науки (NCN) Польши.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОЛУБЕВА

Голубев родился и сложился как личность в многонациональной среде, в контактах с представителями разных национальностей, религий и христианских конфессий, которую в современной терминологии можно было бы назвать мультикультурной. Точно неизвестно, сколькими языками он владел. Сравнивая Голубева с гостившим в Войнове Василием Кельсиевым, известным российским революционером-демократом, публицистом и переводчиком, знавшим 25 языков и говорившим на 14, Эугениуш Иванец пишет о том, что Голубев знал их всего лишь несколько¹³. Для данного исследования важно было бы знать, сколькими языками владел Голубев и как это знание отразилось

¹¹ Определения «малая» «Истина» для газеты и «большая» «Истина» для журнала принадлежат Эугениушу Иванцу (E. Iwaniec, *Droga Konstancya Gołubowa...*, с. 265).

¹² См. также: «Истина», <http://www.pravenc.ru/text/675023.html> (4.02.2018).

¹³ E. Iwaniec, *Droga Konstancya Gołubowa...*, с. 38.

в написанных им текстах, однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

В течение своей жизни Голубев несколько раз сменил место проживания. Он родился в 1842 г. в Режицком повете, в Витебской губернии, на русско-белорусско-латвийском пограничье. Этот регион (Латгалия) до сих пор остается крупнейшим старообрядческим центром в Прибалтике. Кроме русских старообрядцев, поселившихся на территории Речи Посполитой в XVII в., сразу после Раскола, в Латгалии проживало автохтонное население балты (латгальцы) и восточные славяне (современные белорусы), а также немцы, поляки, литовцы и евреи. Отдельные черты смешанного русско-белорусского диалекта Латгалии еще сегодня проявляются в русском языке жителей Войнова, поэтому можно себе представить, каким был материнский язык Голубева и тот говор, на котором он мог общаться со своей матерью, с жителями деревни, а, возможно, и с женой, родившейся в Сувалках¹⁴. Родители Голубева Ефим Яковлевич и Прасковья Александровна принадлежали к федосеевскому согласию, а значит, и их сожителство, и рождение сына противоречило принципам общины, не признающей браков. Возможно, это обстоятельство послужило причиной отъезда Прасковьи Александровны с трехлетним сыном в Вильно и смены фамилии с Чайковой на Голубеву (или Голубову¹⁵).

В Вильно Голубев, как и все старообрядческие дети, учился читать и писать по Азбуке, Часослову и Псалтыри, а значит, овладевал церковнославянским языком. С девяти лет мальчик начал прислуживать у местного купца, который обучил его основам торговли. Однако у матери были иные планы, и она вместе с сыном переехала в Войново, где ее латгальские земляки-федосеевцы жили в деревнях, построенных на купленных ими землях и расположенных в нескольких километрах друг от друга, а также было много скитов, затерянных в глухих лесах. Го-

¹⁴ I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*, Ossolineum, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1980; N. Barszczewska, M. Jankowiak, *Dialektologia białoruska*, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy PAN, Warszawa 2012, с. 192–194; M. Głuszkowski, S. Grzybowski (red.), *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów*, Wydawnictwo Naukowe UMK w Toruniu, Toruń 2016.

¹⁵ В российских документах значится фамилия Голубев, а не Голубов.

лубевы прибыли в Спасо-Троицкий монастырь, по-видимому, в 1856 г., и юный Константин попал под опеку игумена Павла, которому предстояло сыграть особую роль в формировании личности, характера и интересов Голубева.

В течение 15 лет руководства монастырем (1852–1867), о. Павел отремонтировал его здание и построил кельи, оформил иконостас, собрал библиотеку, открыл школу для мальчиков и организовал мастерские, где отливались медные кресты и изготавливались свечи, а также проводились переплетные и столярные работы. По мнению биографа архимандрита Павла Николая Иванович Субботина, идея организации типографии была непосредственно связана с личностью Голубева¹⁶. В 1859 г. игумен заключил с владельцем типографии в расположенном недалеко от Войнова Иоганнисбурге Антонием Алоизием Гонсеровским договор об обучении Голубева типографскому мастерству. Выходные данные напечатанных в Иоганнисбурге книг свидетельствуют о покупке Голубевым типографии Гонсеровского в 1863 г. Таким образом, следует предполагать, что новый владелец типографии, которому едва исполнился 21 год, владел не только русским и церковнославянским языком¹⁷, но также польским (скорее всего, местным мазурским диалектом) и немецким в достаточной степени, чтобы вести дела с местным населением, общаться с властями и вести документацию на государственном языке.

Благодаря Павлу Прусскому, Спасо-Троицкий монастырь в Войнове в середине XIX в. был известным в России и в Европе идеологическим центром старообрядцев-федосеевцев, где шли споры о насущных проблемах старообрядческого движения: о необходимости священства и о возможности брачной жизни для старообрядцев. Издательский центр был крайне необходим не только Павлу Прусскому для распространения своих идей — в условиях запрета книгоиздательской деятельности для старообрядцев в России и постоянно усиливавшихся полицейских преследований подпольных типографий, издание книг служило реализации на-

¹⁶ Е. Iwaniec, *Droga Konstancya Gołubowa...*, с. 26.

¹⁷ В своей Славянской типографии Голубев печатал Псалтырь, святцы, учебную азбуку, Малый катехизис, листовки с молитвами и др. Изданные в Иоганнисбурге книги поставлялись в Россию: их можно обнаружить в общинных собраниях и библиотеках от Прибалтики до Урала. Иоганнисбургские издания были обнаружены и идентифицированы Эугениушем Иванцем.

сущных интересов российских старообрядцев: сохранению основ вероучения.

Проблемы старообрядцев пытались решить революционные демократы. В 1862–1864 гг. в Лондоне в Вольной русской типографии Александра Герцена и Николая Огарева издавалось приложение к «Колоколу», газета «Общее вече», основным автором и редактором которой был Огарев, а материалы для первых номеров собирались при активном участии Василия Кельсиева. Русская революционно-демократическая эмиграция надеялась привлечь к революционной деятельности против царского самодержавия старообрядцев, дискриминируемых властями и официальной церковью в России, поэтому обсуждая вопрос о свободе вероисповедания, Огарев обращался непосредственно к староверам, публиковал материалы, присылаемые старообрядцами, как проживающими в России, так и за границей. Принимая во внимание дружеские отношения, которые установились между Голубевым и Кельсиевым во время пребывания последнего в 1862 г. в течение полутора месяцев на Мазурах¹⁸, можно предположить, что Голубев решил издавать собственную газету именно благодаря Кельсиеву и «Общему вечу», и публицистический стиль Голубева сформировался под влиянием стиля этой народной газеты. «Малая» «Истина» стала выходить несколько позже, чем «Общее вече», а перестала издаваться одновременно с ним, в 1864 г., обе газеты имели сходный формат и объем. Сравнение текстов, опубликованных в обеих газетах, представляется чрезвычайно интересным с разных точек зрения: во-первых, с точки зрения авторского идиостиля, во-вторых, с точки зрения стилистики разговорной речи, в-третьих, с точки зрения взаимных заимствований авторских черт.

По отзывам некоторых современников, Голубев допускает большое количество орфографических и лексических ошибок и плохо знает грамматику, а стиль его газеты так напыщен, что трудно понять, что он собирался сказать¹⁹.

¹⁸ Е. Iwaniec, *Droga Konstancya Gohubowa...*, с. 47–48.

¹⁹ Там же, с. 90–91.

Supplement to the BELL

[Registered for transmission abroad.]

ОБЩЕЕ ВѢЧЕ

(ПРИВЛЕЧЕНИЕ КЪ КОЛОКОЛУ)

Выходитъ при Востокѣ въ воскресенье
сроки. (Цена 12 коп. евр. или 6 копеекъ).
Выпускаетъ въ Лондонѣ Русскій Типографъ,
136 & 138, Colchester Road, E.

№ 1.

15 Июля 1862.

У Траубера & Со, въ лондонѣ лонд.,
66, Paternoster Row, в 7 Tottenham,
1, Marchfield Street, (Oxford Street),
Solo, London. Price sixpence.

О Т Ъ П Р И В Л Е Ч Е Н И Е . — Отъ редакціи.—Всему къ извѣщенію всѣхъ старообрядцевъ и всему обществу и всему православному народу.—Обращеніе
къ обществу вѣдомъ.—Крестныя.—Книга Святыхъ писаній.—Дѣло Сурганова.—Уральское дѣло.—Дѣло Сибиряка.—Дѣло отъ Сибиряковъ.—Дѣло отъ Сибиряковъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Въ Колоколѣ еще не было слышно ни голоса притѣснен-
ныхъ старообрядческихъ и иныхъ согласій, ни голоса притѣсненнаго духовенства господствующей церкви; не было слышно жалобъ претянуть, прямо отъ себя, суду общему, обо всемъ, что они терпятъ отъ людей власти именуемыхъ; дѣла же свои оставляли въ сторонѣ; убѣждены были, что высшіймакъ названнаго сословія не высказывался. Чувствуя эту необходимость, издавая Колоколъ, при соудрѣчествіи В. И. Кельсера, рѣшились открыть новый листъ для Общаго Вѣча, гдѣ-бы могли выслушать голосъ сей страданія, жалобы, убѣжденія по вѣрѣ и потребности интеллекта своего народа. На Общее Вѣче издаватели приглашаютъ всѣхъ: старообрядцевъ, людей торговыхъ и мѣщанскихъ, претянуты и иппаны, дворянскихъ людей, солдатъ и разночланцевъ. Пусть присылаются словъ жалобы, пусть выкажутъ свои мысли, потребности, надежды и желанія. Издаватели напечаталъ все, что возможно и помянуто, и что будетъ сказано добросовѣстно, хотя-бы, по малочисленности, и было написано съ ошибками; ошибками шлома поправить не трудна, лишь-бы смыслъ былъ честенъ. Издаватели оставляютъ за собой право, безъ котораго немыслимо обойтись, право, по своему усмотрѣнію, комментаріи и безсмысленныя статьи, или вовсе не печатать, или печатать, исправивъ на отпечаточномъ листѣ, предвѣдѣнную ложь и несправду. Самы же отъ себя издаватели будутъ писать и стараться разъяснить настоящее положеніе Россіи и нужды народныхъ, такъ чтобы всѣмъ наученнымъ могъ видѣть правду-ли они говорятъ. Они увѣрены, что между русскими наученными людьми, людьми интеллекта сословія, увѣ, конечно не желанно, а можетъ видѣться и побольше людей даровитыхъ, чѣмъ между самыми учеными, высшими сословіями. Цѣль издавателей—соединить всѣхъ даровитыхъ, често блану народному предвѣдѣнныхъ людей всѣхъ сословія и всѣхъ толкъ на одно Общее Вѣче.

Этотъ пробный листъ будетъ издаваться при Колоколѣ, не всѣмъ разъ, а когда выкажется достаточное число. Чѣмъ больше люди русскіе примутъ въ немъ участіе, тѣмъ чаше выйдетъ отъ печатанья.

Годъ 1.

ПИСЬМО КЪ ВЕРНУЮЩЕМУ

ВСѢХЪ СТАРООБРЯДЧЕСКИХЪ И ИНЫХЪ СОГЛАСІЙ
и
СЛѢДОВАТЕЛЬНОГО ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ.

Братья!

Дано вамъ это названіе отъ всей любви и искренности сердца, гдѣ-бы кто-бы чувствовалъ, что мы братья по человечеству, братья по крови и племени, братья по началу познания и благу людскому.

Много можетъ быть рознь въ умѣхъ нашихъ. Розно можетъ намъ смотрѣть на происхожденіе и значеніе людей идальныхъ. Розно и самое истолкованіе священнаго писанія. Умъ испуганный многого можетъ не догадаться и заблуждаться; истолкованіе можетъ быть ошибочно. Но когда я думаю о комъ-либо изъ васъ, и понимаю, что онъ въ свое истолкованіе вѣрять искренно, во всей силѣ чистой совѣсти—я прощаю и уважаю его безсмысленно. Я чувствую, что не смотри на рознь въ умѣхъ нашихъ, между нами есть нечто общее—отъ искренности въ исканіи правды. Отъ этого самое разномысліе между нами безсмысленно и мы не враги другъ другу. Враги наши, настоящіе враги наши—это только люди, которые гнутъ о своей вѣрѣ, ради верности или самолюбия—это завидники и эгоисты; а люди искренніе, не смотря на рознь умовъ, братья по искренности человеческой.

И горе тѣмъ, которые станутъ вѣшать истинней вѣрѣ и истинней вѣрѣ свободно и запрятать чуждымъ оужденіемъ правды не его пониманію. Горе тому, кто для убѣжденія другого употребитъ не то единое орудіе, которое дано для убѣжденія—орудіе человеческаго слова, а употребитъ какое-нибудь другое орудіе, не законное орудіе власти и писанія. Искренность тѣмъ, съ вѣрѣ чуждымъ—переправленнаго свѣтила; грубая рука, не послушная—преступна.

Чѣмъ больше я думаю объ искренности вѣрѣ, объ искренности отношенія чуждымъ къ его истинѣ,—тѣмъ болѣе чувствую, что, не смотря на рознь умовъ, у насъ есть одно великое общее, кѣмъ насъ связующее ожиданіе: ожиданіе счастья любви и правды на землѣ. Притомъ время, когда рознь умовъ, испуганный и толкующихся, должна смѣряться передъ единою, безотлагательной потребностью употребити

Иллюстрация 1. Первая полоса газеты «Общее вече». Источник документа:

Автор: А. И. Герцен, Н. П. Огарёв — Сделал сам, Общественное достояние,
<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=9834196>

1. Первая полоса «малой» «Истины». Источник: <http://wmbc.olsztyn.pl/dlibra/docmetadata?id=1373>

К 1867 г. во взглядах Голубева на староверие произошел решительный перелом. Вслед за своим наставником архимандритом Павлом он отказался от беспоповской доктрины, перешел в единоверие, в 1868 г. переехал в Россию, где, поселившись

ЯЗЫК СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ...

в Пскове и приняв священство, жил с семьей до конца своих дней. В 1870 г. он был рукоположен во иерея Троицко-Никольской единоверческой церкви, благочинным всех единоверческих храмов Псковской епархии, был известен как епархиальный противораскольничий миссионер. Священник К.Е. Голубев избирался гласным городской думы и уездного земского собрания. Перевезя с собой в Псков свое типографское оборудование, он продолжал издание «Истины», переиздав и «пруссские» номера «Истины», а с января 1886 г. по апрель 1887 г. выходила его «Псковская газета».

ЧЕРТЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КОНСТАНТИНА ГОЛУБЕВА

Определение особенностей языка текстов, опубликованных Константином Голубевым в его «пруссских» публицистических изданиях, представляется важным с точки зрения характеристики его авторского стиля. Поскольку один из языковых пластов языка текстов «Истины», представлен церковнославянским языком, можно предположить, что одним из типичных его признаков должен быть способ цитирования Священного Писания, богослужебных и святоотеческих текстов. Авторский стиль Голубева, таким образом, может быть отличительной характеристикой иоганнисбургских изданий, в том числе Псалтыри и Святцев, а – что важно – также Сборника сочинений о браках.

Для удобства в иллюстрациях к дальнейшим рассуждениям там, где это возможно, кириллический шрифт заменяется гражданским.

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Как известно, старообрядцы не приняли Петровской реформы алфавита, и вплоть до начала XX века продолжали пользоваться кирилловским шрифтом в своих печатных изданиях и рукописях. Иоганнисбургские издания печатались специальным кириллическим шрифтом, сведения о котором содержатся в многократно цитируемой в данной статье монографии Э. Иванца. Гражданский шрифт Голубев стал использовать

в своей типографии только после переезда в Россию. Ниже будут представлены некоторые особенности опубликованных в «Истине» текстов.

Голубев при наборе использовал весь репертуар прописных и строчных букв, известных из старопечатных текстов, включая большое количество дублетов. Наибольшее количество дублетных букв используется для обозначения гласной о: о (узкое), о (широкое), ѱ (омега узкая), Ѳ (омега широкая). Предварительно можно отметить распределение знаков в зависимости от морфемного состава слова и частеречной характеристики: в корнях слов чаще всего используется о (узкое), в аффиксах – прочие дублеты (например, в суффиксах наречий и кратких прилагательных – исключительно ѱ)²⁰. Для обозначения гласной е используется преимущественно знак е и Ѣ как инициальный знак (в начале слов). Гласный у обозначается преимущественно лигатурой Ѥ, возможно, потому что больше напоминает знак у в гражданском алфавите, вероятно по той же самой причине Голубев использует чаще всего Ѧ (похожее на я) для обозначения звука а после мягких согласных и [j], а также на месте старого Ѧ (носового гласного). Систематически используются также просодии: как оксия (́), так и вари́я (̀), исо (̂), апостроф (̇), камора (̈), и лигатуры ѿ, ѡ. Интересные примеры графической интерференции представляет использование ударений в транслитерации новых заимствований: тѣѳрѣтнѣскѣй (с омегой широкой и с!), млѣрѣ́льнѣ ѱ, рѣцѣѳнѣльнѣ Ѧ. Удивляет единичный случай использования юса большого, не характерного уже для дониконовских печатных изданий: (лукавствовать) не бждемъ (на обороте титульного листа «большой» «Истины»). В общем, следует заметить, что для исследования специфики использования дублетов у Голубева необходимо проведение отдельного исследования. Влиянием русского литературного языка следовало бы объяснить и крайне редкое использование в текстах паерков (с предпочтением ѳ), в том числе для обозначения переносов, что было типичным для старообрядческих печатных изданий.

Среди орфографических норм внимание на себя обращают следующие написания: приставок на з/с, правописание которых

²⁰ Ср.: С. Кусмауль, *Эволюция принципов употребления буквы ѱ во 2-й половине XVI в. и в 1-й половине XVII в., Православная культура вчера и сегодня*, *Fontes Slavica Orthodoxa II*, Centrum badań Europy Wschodniej, Olsztyn, 2015, с. 89–133.

в церковнославянском языке не всегда совпадает с предписанием грамматик²¹, но в большинстве словарей и грамматик регулируется фонетически; слитные и раздельные написания предлогов; написания слов с прописной буквы и сокращений (Г д р т в о), а также выбор одного или двух -н- в суффиксах прилагательных и причастий²².

Вопреки церковнославянской традиции, Голубев использует букву ё, причем в тех словах и выражениях, которые следует признать разговорными, например, в полемической статье о «Душе человека и животных» Вильгельма Вундта в парафразе Откровения св. Иоанна Богослова (17:16) утверждает: К о з н е - н а в и д н м з , о б н а ж и м з , п л о т ь с з в ѣ д и м з , н к в с т н с о - ж г ѣ м з , Л ю б о д ѣ н ц ы в с е м і р н о й , ѿ т ѹ м а н н е ш е й н з з с в о ё й с о л о т о й ч а ш н н а ш н ѹ м н ы м п о н а ч і а » (Истина. 4: 9). Ср.: «В с ѣ д в і ж ѹ щ е е с м н е п р е м ѣ н н ѡ ж н в о б е »; « М ы ѹ п и р а е м с м я и л и в с ѣ н е п о н н м а т ь , и л и в с ѣ к ы д ѹ м ы - в а т ь »; « К о л о к о л з » н з в ѣ р т ы в а е т с я о т п р а в д і в а г о п о н н м а н н я « М о с к о в с к н х в ѣ д о м ш т е й » о н а р о д н о й в ѣ р о т е р п і м о с т и .

Следует также обратить внимание на отсутствие обозначения мягкости согласных при помощи мягкого знака в некоторых словах, например: т о л к в , м е л ч а й ш и й , д о к а з а т е л с т в о , г а л в а н і ч е с к и й (!), в о з м і т ѣ , что могло бы рассматриваться как интерференция литературных и диалектных фонетических черт.

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

Употребление книжных слов (высокого стиля), каковыми являются церковнославянизмы, является характерной чертой публицистики. Поэтому естественно, что церковнославянизмы занимают значительное место в текстах Константина Голубева.

²¹ См.: М. Давыденкова, *Написание приставок на з/с в церковнославянской и русской дореформенной орфографической традиции, Православная культура вчера и сегодня...*, с. 135–146.

²² Ср.: Е. Потехина, *Канонники из собрания Войновского монастыря: попытка сравнительного анализа, Православная культура: история и современность, Fontes Slavia Orthodoxa III, Centrum badań Europy Wschodniej, Olsztyn, 2016, с. 187–188.*

Ниже будут рассматриваться примеры русско-церковнославянской интерференции в области лексики, к которой в данном случае относится и словообразование, если говорить о нем с точки зрения образования новых слов, в том числе авторских неологизмов Голубева.

В своих писаниях Голубев постоянно употребляет слово *правоверие*, *правоверный*, которые для него являются синонимами слов *православие*, *православный*. Иванец считает, что для Голубева *правоверие* – это то же православие, но с более широким значением²³. Толковый словарь Ефремовой²⁴ дает следующие значения этого слова: «1. Верность догматам какой-либо веры. 2. Верность какому-либо учению, системе взглядов». В современном русском языке определение *правоверный* относится скорее к мусульманам, ср. у Владимира И. Даля: «*Правоверие*, *правоверство*, исповедание правой, истинной веры; ислам присвоил исповеданью Мохамеда это название. *Правоверный*, исповедующий правую веру, мусульманин»²⁵. Словарь протоиерея Г. Дьяченко дает наречие *правоверно* в качестве синонима слова *благочестиво*, а в свою очередь в качестве синонима прилагательного *православный* указывает *правоверующий*, *правомыслящий*²⁶. В Старославянском словаре находим статью *п р а в о в ѣ р н ы е* со значением ‘истинная вера, правоверие’²⁷.

Посвящая свою статью «Живость мира» (Истина 4: 2011) Вильгельму Вундту, автору «Лекций о душе человека и животных», по поводу которых и была написана данная статья, Голубев пишет: «Жертвуется профессору В. Вундту в Гейдельберг». В словарях русского языка глагол *жертвовать* не встречается в значении ‘посвящать’. Однако в словаре Владимира Даля такое значение присутствует. Синонимом глагола *жертвовать* является также словосочетание *приносить в дар*.

²³ Е. Iwaniec, *Droga Konstancyzna Gołubowa...*, с. 160–162.

²⁴ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Русский язык, Москва 2000, издание on-line: <https://www.efremova.info/> (8.02.2018).

²⁵ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. III, Москва 1955, с. 380.

²⁶ Г. Дьяченко, *Полный церковно-славянский словарь*, Издательский отдел Московского Патриархата, Москва 1993, с. 473, 474.

²⁷ Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова (ред.), *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, 2-е издание, стереотипное, Русский язык, Москва 1999, с. 495.

К чертам церковнославянского (высокого) стиля следует отнести обилие сложных слов: *самосознательный* (дух), *умозаключать* 'понимать' (ср. совр. болг. умозаключение 'понимание'), *грубоматериальный* (мир), *зловредие излишьшестрастей* и пр. Отдельного исследования требует история любимого Голубевского понятия *самостеснение* 'самоограничение, воздержанность', произведшего, по-видимому, глубокое впечатление на Достоевского²⁸. Приведенные выше слова следует считать авторскими неологизмами.

Результат стилистической интерференции представляют собой относящиеся к просторечию русско-церковнославянские гибриды *произрастение* 'растение' и *растение* 'рост', *извѣртывается* (лит.: изворачивается), *объзаглавленныхъ* (лит.: озаглавленных), *обчистить* (лит.: очистить), а также причастные формы: <о> *всеживящем* <существе>, *осяжимой* <природы>, *питеющаго* <зародыш тайны>, *видучий* («человек слепой понятливее видучаго»), *сприсуция* 'присущие'.

Из приведенных примеров следует, что лексический состав «Истины» как издания публицистического включает слова разных стилистических регистров: высокого, нейтрального и разговорного, а также авторские неологизмы.

СИНТАКСИС

Проблема интерференции в области синтаксиса близкородственных языков представляет самую большую сложность для исследователя.

К проявлениям книжно-просторечной интерференции следует, прежде всего, отнести обилие в текстах Голубева солецизмов (эллипсисов, анаколуфов и др.). В приведенном ниже фрагменте текста из статьи «Живот мира», можно отметить примеры эллипсиса прямого дополнения, что является характерной чертой просторечия:

Илчѣшлгв челоѣкѣкѣ попроентѣ потерпѣть, покѣ приготѣбатѣ емѣ (что?), ѣ онѣ соглаѣнтѣл. Онѣ бѣдетѣ ѣпотреблатѣ (что?) еѣ рлзѣждѣнѣемѣ ѡбѣдѣщѣемѣ (б. «Истина», № 4: 6 об.)

²⁸ Н.Ф. Буданова, *Примечания* // Ф.М. Достоевский, *Собрание сочинений в пятнадцати томах*, т. 7, «Бесы», Наука, Ленинград 1990, с. 693–695.

С точки зрения синтаксиса неверно формируются конденсированные конструкции с предлогом *кроме*, значение которого иногда удается определить только из контекста:

1. Ё ѓнз поймѣтъ ѡпрослѣзѣтъ, кромѣ всѣхъ члѣнѣныхъ наказаній (б. «Истина», № 4: 6 об.) — *кроме* означает 'без'
2. По какомѹ же прѣвѣ выѣ вывѣдѣте ѣгѡ [человека] въ положѣнїе выходящее ѡзъ состава мїра Нѣтъ, ѣтъ кромѣ того. Въ мїрѣ ѓнз вѣсь ѡстаѣтъ ѡвоимъ ѡщѣтвомъ (б. «Истина», № 4: 7) — 'вне', 'без'?

Нарушение согласования подлежащего и сказуемого, неверное построение деепричастного оборота и неправильное управление глагола *увлекаться* и эллипсис прямого дополнения обнаруживает следующее предложение:

Любопытствѹ человекѣскѡ дѹха своѣственѡ ѹвлекаѣтъ ѡ въ постигательство (чегѡ) не постижѣма; ѡнѣ ѡпытѣвъ невозможность постиженїа (чегѡ) ѡвѣргнетѣ ѡ не постижѣма (б. «Истина», № 4: 35 об.)

3. Эллипсис (конденсация) предикативной конструкции:

Мы ѹпрѣмѣ ѡнѣ всѣ не понимаѣтъ, ѡнѣ всѣ выдѣмѣвать (б. «Истина», № 4: 8).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная статья представляет предварительные результаты первой попытки описания языка полемических текстов публицистики старообрядческого издателя второй половины XIX в. Константина Голубева, вписавшего свои страницы в историю современного Мазурского региона. Родившийся и выросший в деревенской среде, Голубев, как каждый старообрядец, овладел основами церковнославянского языка. Проживая в течение десяти лет в Пруссии и находясь в контакте с местным населением, Голубев, скорее всего, освоил также немецкий, польский языки и идиш, что, возможно, покажут дальнейшие исследования. Анализ языка текстов авторства Голубева на данном этапе выявил интерференцию русских и церковнославянских элементов разновременных историко-культурных и различных пластов на графико-фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

ЯЗЫК СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ...

Helena Pocietchina

JEZYK STAROBRZĘDOWEJ PUBLICYSTYKI XIX W.: PRÓBA OCENY STYLISTYCZNEJ ZJAWISKA

Streszczenie

W artykule po raz pierwszy została podjęta próba charakterystyki staroobrzędowej publicystyki XIX w. od strony językowej. Jako obiekt badań posłużyły utwory Konstantyna Gołubowa opublikowane w latach 1864–1866 w czasopiśmie „Istina”. Problem naukowy polega na tym, że, po pierwsze, język rosyjski tekstów staroobrzędowych czasów najnowszych na ogół jest zbadany w słabym stopniu, po drugie zaś do języka tych tekstów z przyczyny ich mozaikowego charakteru nie da się zastosować współczesnych kryteriów stylistycznych. Na pierwszy rzut oka wydaje się oczywiste, że zostały napisane po rosyjsku. Jednocześnie teksty Gołubowa zawierają elementy języka cerkiewnosłowiańskiego oraz rosyjskiego języka literackiego, który ukształtował się właśnie w połowie XIX w.

Helena Pocietchina

AN ATTEMPT AT STYLISTIC EVALUATION OF THE PHENOMENON OF THE LANGUAGE OF JOURNALISTIC OLD BELIEVERS TEXTS IN THE 19TH CENTURY

Summary

The article is the first attempt at characterizing journalistic Old Believers' texts from the 19th century from the linguistic perspective. The research focused on the works of Konstantin Golubov published in the years 1864–1866 in the journal 'Istina'. The academic problem consists here in the fact that the Russian language of modern Old Believers' texts is not generally extensively analyzed. Additionally, because of the specificity of these texts, this language cannot be analyzed in line with modern stylistic criteria. At first glance, it seems obvious that they were written in an informal variety of Russian. What is more, it is necessary to refer to Old Church Slavonic elements which determine the specificity of these texts, as well as analyzing borrowings from the literary Russian language.